

А.В. Зелтынь, Л.А. Зелтынь

Арабоязычные авторы раннего Средневековья о борьбе с эпидемиями

Введение

«Я полагаю, что любой, кто пытается создать произведение искусства, периодически впадает в отчаяние. Особенно в периоды несчастий. “Зачем что-то делать? — мы спрашиваем себя, — какой в этом смысл?”» Арабский историк Ибн ал-Варди, живший на рубеже XIII–XIV вв., поместил эти строки в одно из своих произведений, посвященных чуме, охватившей в XIV в. его родной Дамаск, а также огромные территории Европы, восточного и южного Средиземноморья [Абд ар-Рахим, 2010, т. 24, с. 1501]. Говорят, что сам он от чумы и умер через три дня после того, как сочинил такие яркие строки, вошедшие в сборник стихов «Диван Ибн ал-Варди» [Ибн ал-Варди, 2006, с. 281]:

Я Черной смерти, как другие, не страшусь:
Победой будет жертва в час последний.
И если я умру — от зависти навеки отряхнусь...
А если жив останусь — что ж, увижу мир бессмертный...¹

Другое произведение Ибн ал-Варди, «Эссе о событиях времен чумы», стало одним из наиболее полных сохранившихся арабоязычных описаний эпидемии «черной смерти» XIV в. Автор так описывает эпидемию чумы: «Чума началась в стране тьмы. Китай не уберется. Чума поразила жителей Индии и Синда, накрыла Персию и пришла в Крым. Чума уничтожила население Каира. Она остановила всякое движение в Александрии, а затем перешла

¹ Здесь и далее перевод с арабского на русский А.В. и Л.А. Зелтынь.

в Верхний Египет. Чума поразила Газу, захватила Сидон и Бейрут. Затем она направила свои стрелы на Дамаск. Там чума восседала, будто лев на троне, и колебалась с огромной силой, убивая ежедневно тысячу или больше людей, не зная пощады. О Аллах! Она действует по Твоему разумению! Так сними с нас это проклятие! Тебе все по силам, держи от нас чуму подальше» [Ибн ал-Варди, 2006, с. 87–91].

Эпидемии, болезни и вспышки массового мора — одна из самых распространенных тем, которые нашли отражение в литературных произведениях арабоязычных авторов. Описание драматических событий, пережитых жителями арабоязычного мира и описанных некоторыми из них, — ценный источник сведений не только по истории самих эпидемий, но и по интеллектуальной истории арабо-мусульманского мира в Средние века в целом. Мало кто из известных ученых-энциклопедистов, богословов, правоведов и путешественников обошел вниманием эпидемии, так часто повторявшиеся в то непростое время².

² Между арабскими авторами, пишущими на тему эпидемий, до сих пор ведется дискуссия о том, как называть эпидемии в каждом конкретном случае. Например, какой термин использовать сегодня при описании коронавируса: чума (*та'ун*), эпидемия (*ваба*) или лихорадка (*хума*). Вопрос о дифференциации значений слов *та'ун* и *ваба* уходит корнями во времена создания первых арабских лексиконов. В первом толковом словаре арабского языка под названием «Книга буквы 'айн», автором которого считается Халил б. Ахмад ал-Фарахиди (ум. ок. 791), приводятся значения глагола *та'ана*: «ранить словом» (плохо о ком-то отзываться в присутствии других), а также «ранить копьем» [ал-Фарахиди, 2003, ч. 3, с. 50–51]. Следует отметить, что, за исключением их дифференциации в упомянутом словаре, вплоть до середины XIII в. оба слова использовались в основном как синонимы для обозначения быстро распространявшихся заболеваний, сопровождавшихся большим количеством смертей. Однако можно отметить и различие: в то время как термин *ваба* употреблялся применительно к описанию состояния окружающей среды — условий, при которых происходило распространение болезни (и не только болезни: так называли массовый голод и стихийные бедствия), его синоним *та'ун* (букв. «укол») использовался для описания воздействия заболевания на человека. «Книга буквы 'айн» предлагает следующее толкование слова *ваба*: в первом значении это синоним слова *та'ун*, однако второе значение указывает на «любую болезнь, которая поражает многих». Приводится пример: «Население планеты поразила сильная болезнь» [Там же].

Под средневековыми арабскими авторами в настоящем материале имеются в виду авторы, которые писали свои труды на арабском языке в IX–XV вв. Нижняя граница обусловлена тем, что именно в это время появилась, возможно, первая оригинальная книга об эпидемии чумы, написанная на арабском языке — трактат Абу Бакра б. Аби ад-Дунйа под названием «Книга о разных видах чумы» [Conrad, 1982, p. 268–307]. Верхняя граница — последний век развития арабских регионов накануне вхождения в границы османского мира. Как известно, в начале XVI в. турецкий султан Селим I победоносно завоевывает Сирию, Ирак, Хиджаз и Египет. Как отмечает британский историк Ю. Роган, «столкновение мамлюкских всадников и османской пехоты, вооруженной ружьями», ознаменовало переход арабского мира от Средневековья к Новому времени [Rogan, 2012, p. 452].

Эпидемии в ранних мусульманских халифатах

В мусульманской историографии выделяется несколько наиболее заметных эпидемий чумы, совпавших хронологически с государством праведных халифов и Омейядским халифатом (661–750).

Чума Эммауса была одной из первых и пришлось на годы правления праведного халифа ‘Умара (правил в 634–644 гг.). Эпидемия была названа по имени небольшого поселения Эммаус (Амавас), расположенного между городами Иерусалим и Рамла. Оттуда болезнь распространилась по всему Леванту. Причиной эпидемии, по всей видимости, стало множество незахороненных трупов по-

Здесь же предлагается определение «зараженной местности»: *ард ваби* (букв. «местность, охваченная эпидемией») — та, где интенсивно распространяется болезнь. В большинстве случаев именно распространение инфекций вследствие «отравленного воздуха» и обозначалось термином *ваба*. Как мы видим, различие в значениях между *та’ун* и *ваба* естественным образом сводится к особенностям этимологии и было описано учеными на ранних этапах кодификации арабского литературного языка и зафиксировано в первом арабском словаре. Что касается лихорадки (*хума*), то ни в одном рассмотренном нами в этой главе средневековом толковом словаре не приводится значения этого слова. У Ибн Сины мы встречаем целый том, посвященный лихорадке, однако его сочинение не относится к толковым словарям.

сле сражений мусульман с византийцами. Болезнь свирепствовала до тех пор, пока Амр б. ал-'Ас, легендарный полководец, поставленный халифом 'Умаром во главе мусульманского войска для завоевания Сирии и Палестины, не велел людям подняться в горы и разойтись. После этого эпидемия прекратилась. Многие погибли, в их числе другой полководец и ближайший соратник пророка Мухаммада Абу 'Убайда б. ал-Джара [ас-Са'алиби, 2005, с. 230–235].

О некоторых эпидемиях, поразивших Аравию, мы бы, возможно, и не узнали, если бы они не затронули судьбы людей, оставивших след в истории. Так, например, арабийский поэт первой половины VII в. оплакал в стихах своих пятерых детей, которых чума унесла в один год [Ибн 'Абд ал-Барр, 1992]. Эти строки принадлежат Абу Зуайбу ал-Хузли, благодаря которому мы можем идентифицировать еще одну эпидемию:

Правда ли, что время усиливает боль
И судьба не лечит тех, кто страдает?
И она ответила:
Дети покинули мир и попрощались.
Дети ушли, и радость превратилась в горе,
И слезы не высыхают.

Другая массовая эпидемия чумы произошла в иракском городе Басра около 688 г. Арабы назвали ее «великой чумой», так как она унесла огромное количество жизней. Эта чума стала причиной смерти известного языковеда Абу ал-Асвада ад-Дуали. Мусульманский путешественник и географ рубежа XII–XIII вв. Йакут ал-Хамави сообщает, что ад-Дуали умер в 69 году хиджры (ок. 688 г.³) в разгар эпидемии [ал-Хамави, 1993, ст. 618, с. 1464–1466].

³ Мусульманское летоисчисление начинается с 1 года хиджры, что соответствует 622 г. по григорианскому календарю. Мусульманский календарь — лунный, поэтому для вычисления соответствия дат мусульманского календаря датам календаря григорианского используется специальная система. Зная только год мусульманского календаря (без дня и месяца), мы можем перевести соответствующую дату по хиджре в систему нашего летоисчисления приблизительно, с небольшой погрешностью (в один год).

Ирак и Левант снова стали эпицентрами чумы около 706 г. Тогда мор получил название «чумы девушек», поскольку сначала он поразил незамужних, позже — замужних женщин и только потом мужчин. Другие же называли ее «чумой знати» из-за большого количества знатных людей и старейшин, погибших от нее. Последней же чумой эпохи Омейядов была «чума Муслима б. Кутайбы» (ок. 748 г.), названная в честь первого человека, который умер от нее [Фадил, 2011, с. 9].

Эпидемии не прекращались на протяжении всего периода существования государства Омейядов. Халиф Хишам даже пытался перенести столицу халифата Омейядов из Дамаска в Расафу⁴, чтобы остановить распространение эпидемий по центру государства. В этой связи историк и богослов IX в. Ибн Джарир ат-Табари пишет, что, когда халиф хотел отстроить город Расафу, чтобы жить в нем вместо Дамаска, ему сказали: «Не уходи, потому что халифы не болеют. Мы не видели заразившегося халифа», а он ответил: «Неужели вы хотите попробовать на мне?», и уехал в Расафу [ат-Табари, 2009, с. 207].

Историк XV в. Ибн Тагри Бирди в своем сочинении «Яркие звезды» ссылается на историка IX в. Абу ал-Хасана ал-Мадани, который насчитал 15 эпидемий, случившихся до середины VIII в. [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 10, с. 198]. Наш современник, историк Ахмад ал-‘Адави, в книге «Чума в эпоху Омейядов» утверждает, что вспышек болезни было 20, то есть в среднем чума приходила каждые четыре с половиной года. В его работе показана роль повторяющихся эпидемий в ослаблении государства Омейядов и успеха революции Аббасидов [al-Adawi, 2018, p. 39].

Ибн Хаджар ал-‘Аскалани, знаток пророческих преданий (хадисов), живший в XV в., писал: «[Язвы] не прекратились в халифа-

⁴ Расафа, также иногда называемая Ресафа, известная в византийский период как Сергиополис (некоторое время как Анастасиополис) — древний город, находившийся в римской провинции Евфратисия на территории современной Сирии. Ныне представляет собой археологический памятник, расположенный к юго-западу от города Ракка и реки Евфрат. Омейядский халиф Хишам б. ‘Абд ал-Малик сделал Расафу своей любимой резиденцией.

те бану Умайя⁵, затем чума утихла в государстве Аббасидов» [Ибн Хаджар ал-‘Аскалани, 2005, с. 364]. За несколько столетий до Ибн Хаджара языковед Абу Мансур ас-Са‘алиби (ум. 1038) писал, что «на [жителей] Леванта обрушилось множество бедствий, пока они не превратились в беспомощных, а затем болезнь пришла в Ирак, а когда бану ал-‘Аббас⁶ захватили власть, чума прекратилась, и не было ее до дней ал-Муктадира⁷» [ас-Са‘алиби, 2003, с. 63].

По свидетельствам историков, омейядские халифы и их дети во время эпидемий часто бежали в пустыню, уходя в своеобразную самоизоляцию. Во многом это было связано с указаниями пророка Мухаммада, содержащимися в хадисах, но также и с интуитивным желанием бежать как можно дальше от болезни [Al-Adawi, 2018, p. 78]. Последовательные эпидемии истощили государство Омейядов и способствовали его падению в результате восстания под руководством Аббасидов.

Вспышки эпидемий продолжались до середины VIII в. и прекратились в первые годы Аббасидского халифата. Ас-Са‘алиби писал: «[Халиф] ал-Мансур⁸ считал, что люди должны быть благодарны за то, что Аллах снял с них язвы в знак благоволения к его [халифа] семье. Ал-Мансур однажды сказал Абу Бакру б. ‘Айашу⁹: “Это наше благословение, что чума с нас снята!” Он (Ибн ‘Айаш) ответил: Аллах не направил бы на нас и чуму, и тебя одновременно!» [ас-Са‘алиби, 2003, с. 63]. То есть хадисовед Ибн ‘Айаш отказывался считать, что династия Аббасидов несет на себе некое особое благословение. А вот арабский писатель IX в. ал-Джахиз считал иначе. В своем «Послании о ностальгии по Родине» он отметил: «Первым благословением Аббасидов было то, что всемогу-

⁵ Омейядов.

⁶ Аббасиды.

⁷ Халиф ал-Муктадир из династии Аббасидов (895–932).

⁸ Абу Джа‘фар ‘Абдулла б. Мухаммад (714–775) — халиф из династии Аббасидов, основатель и строитель крупнейшего города средневекового мира — Багдада. Известен по своему почетному титулу — ал-Мансур (араб. «Победоносный»).

⁹ Абу Бакр ибн ‘Айаш ал-Мукри (713–808) — передатчик хадисов и тецц Кораана.

щий Аллах убрал язвы и большой мор, и они собирали урожай за урожаем» [ал-Джахиз, 1982, с. 17].

Таким образом, в начале правления новой мусульманской династии чума ослабла, и это позволило новым правителям, в числе прочего, укрепить свою власть, построив затем процветающее государство. Но эпидемии все-таки окончательно не прекратились, хотя случались теперь реже и с меньшим количеством жертв. Среди наиболее известных эпидемий той эпохи — странная чума, которая началась в 957 г. и продолжалась более ста лет. Ибн Хаджар писал о ней: «Смерть приходила внезапно. Один из судей оделся, чтобы выйти в Судебный совет, и был поражен чумой и умер от заразы, не успев обуть вторую ногу. А еще чума произошла в Хиджазе и Йемене, и многие деревни не были разрушены, но жизнь в них прекратилась. И всякий, кто войдет в них, погибнет прежде своего часа!» [Ибн Хаджар ал-‘Аскалани, 2005, с. 364].

Стоит вспомнить и об эпидемии чумы 1175 г. на отдаленных рубежах империи, в Магрибе; эта чума считается самой серьезной эпидемией, поразившей мусульман, находившихся под властью формально независимой от Аббасидов династии Альмохадов (1121–1269). Историки с тревогой сообщали, что чума здесь имела катастрофические последствия и даже четыре брата халифа Абу Йа‘куба Йусуфа погибли от нее, и от 100 до 190 простых людей умирали из-за этой болезни каждый день [Буляктейб, 2002, с. 53–54].

Монгольское нашествие на восточные регионы Аббасидской империи, начавшееся в середине XIII в., было не единственной бедой, поразившей мусульман. Мусульманский ученый XIV в. Ибн Касир так писал о разрушении Багдада после вторжения монголов в 1258 г. и разразившейся сразу после этого эпидемии: «Мечети и общины были разрушены за несколько месяцев в Багдаде <...> Багдад оставался пустым, и в нем не было никого, кроме немногих сумасшедших, а кучи трупов на улицах были подобны холмам. И пролился на них дождь, и их состояние изменилось, и вокруг разносился трупный запах, и воздух изменился, и из-за этого произошла большая эпидемия, и она распространилась по воздуху до Леванта — так много людей погибло от перемены погоды и

переменчивости ветра; и люди собрались и выступили против высоких цен, эпидемии и смерти; и убитые, и заболевшие — мы все принадлежим Богу, и к Нему мы вернемся» [Fancy, 2021, p. 157–177].

Возможно, одно из наиболее ярких и полных описаний вспышек чумы в постмонгольскую эпоху было оставлено Ибн Хаджаром ал-‘Аскалани. Ниже мы рассмотрим его сочинение подробнее.

«Добродетельная жизнь во время чумы»

Книга Ибн Хаджара «Добродетельная жизнь во время чумы» — одно из самых известных произведений, посвященных эпидемии и написанных на арабском языке. Она считается энциклопедией в своей области и относится к категории «первичных источников» (*ал-мараджи‘ ал-уммахат*), на основе которых мусульманские ученые писали свои многочисленные сочинения.

Ибн Хаджар написал свой труд в период между 1416 и 1423 гг. (обе даты совпали со вспышками эпидемии чумы, которые в описываемый период происходили в Египте с периодичностью в 8–9 лет) как религиозное и практическое руководство для мусульман по борьбе с эпидемией чумы. Не удивительно, что трактат оказался востребован в мусульманской общине и в нашу эпоху коронавируса, этой «чумы XXI века». Тем интереснее познакомиться со взглядами Ибн Хаджара ал-‘Аскалани на природу чумы как божественного провидения, а также с его практическим руководством по вопросу о том, как следует и как не следует вести себя мусульманину во время эпидемии.

Хотя Ибн Хаджар и упоминает во введении к книге, что причиной ее создания было большое количество просьб от братьев по вере [Ибн Хаджар ал-‘Аскалани, 2005, с. 65], можно предположить, что книга стала реакцией автора на личную трагедию, а также попыткой передать людям знания о том, как уберечься от этой напасти. Известно, что чума оставила жестокий след в его жизни: болезнь унесла трех его дочерей — ‘Алию и Фатиму во время вспышки чумы 1416 г. и Зайн Хатун — во время эпидемии 1428–1429 гг. [Rosenthal, 2012, p. I]. Мусульманский ученый описывает чуму в са-

мых мрачных красках: «Когда она приходит в страну, она поражает души и тела <...>. Она мчится на плечах вестников судьбы, наказывает за грехи и вселяет ужас в сердца неверных. Если она входит в дом, то будет последним, кто в нем останется, и если она зажигает огонь преисподней, то это будет превеликий огонь. Она разрушает надежды и умножает дела свои» [Ибн Хаджар ал-‘Аскалани, 2005, с. 382–383].

Книга состоит из пяти частей и заключения, каждая часть делится на главы. Написана она в смешанном «новостном» формате, с обильным цитированием известных мусульман, а также хадисов. В книге много стихотворного текста, в котором в той или иной форме упоминаются чума и лихорадка. Обращает на себя внимание принципиально догматичная позиция автора: например, в первой главе Ибн Хаджар сразу формулирует безапелляционный взгляд правоверного, называя чуму «проклятием для неверных» и «милостью для правоверных мусульман»¹⁰.

Часть первая содержит общие рассуждения о чуме: как она возникает, откуда приходит и какие горести приносит населению. В главе второй первой части ставится вопрос «чумного мученичества» для правоверных и наказания для неверных¹¹, а также утверждение о том, что «чума — это укол джинна».

Комментируя хадис, где говорится о том, что «чума — это укол джинна», ал-‘Аскалани обращается к рассуждениям мусульманского богослова и знатока пророческих преданий Ибн ал-Каййима ал-Джаузийи (XIV в.). Тот писал: «В том, что чума — это укол наших врагов джиннов, — особая мудрость, потому как среди на-

¹⁰ Здесь Ибн Хаджар отсылает читателя к пророческим хадисам: см. [ал-Бухари, 1998, с. 669, хадис № 3474; Ибн Хаджар ал-‘Аскалани, 2000, т. 8, с. 636, хадис № 3474; ас-Суйути, 1990, с. 329, хадис № 5330].

¹¹ Ибн Хаджар здесь приводит известное высказывание пророка Мухаммада, которое мы находим в авторитетном сборнике хадисов «Сахих ал-Бухари»: «Джибрил пришел ко мне с лихорадкой и чумой. И я удержал лихорадку в Медине, а чуму отправил в Шам [Сирию. — Прим. авт.]. Чума — это мученичество и милость для членов моей общины и наказание для неверных» [Ибн Хаджар ал-‘Аскалани, 2005, с. 78].

ших врагов есть *шайтаны*¹². А те из них, кто повинуются, — наши братья. А Аллах велит нам враждовать с врагами нашими среди джиннов и среди людей и бороться с ними. Большинство людей не хотели бороться, и Аллах принес раздор в их ряды в наказание им» [[Ибн Хаджар ал-‘Аскалани, 2005, с. 153]. В подтверждение Ибн Хаджар приводит слова правоведа X в. Абу Бакра ал-Калабази, который, в свою очередь, ссылается на слова пророка Мухаммада: «Укол человека явный, укол джинна неявный, и назвал Пророк укол человека *та‘ан* и укол джинна — *та‘ун*» [Там же, с. 172]. Получается, что рана, нанесенная врагом-человеком, по сути, приравнивается к ране, нанесенной джинном, и, поскольку с ними (то есть с врагом-человеком и с врагом-джинном) надлежит бороться — вести джихад, можно сделать вывод, что противостояние эпидемии чумы — это по сути джихад с именем Аллаха, и все участники этого джихада попадают в рай.

В третьей главе части первой, как бы оправдывая свою позицию, Ибн Хаджар пишет, что умерший от чумы мусульманин приравнивается к мученикам (*шухада*; от ед. ч. *шахид*), павшим на поле брани за веру.

Четвертая часть книги посвящена карантину. Вот что пишет автор: «Сказал Ибн Исхак¹³: “Сообщалось мне, что вышли по причине эпидемии чумы или болезни, поражающей людей, убоявшись смерти”. <...> Рассказал Катада¹⁴: возненавидел их Аллах из-за того, что пытались они убежать от смерти. Умертвил их Аллах в наказание» [Там же, с. 230]. Из этого отрывка следует позиция автора в отношении карантина: соблюдение карантина (невыход из зараженной местности) виделся автору обязанностью правоверно-

¹² Под словом «шайтаны» арабские авторы часто понимали вообще любых существ, не повинующихся Аллаху.

¹³ Абу Бакр Мухаммад б. Исхак, или Ибн Исхак — историк VIII в., автор самой ранней из известных биографии пророка Мухаммада, которая дошла до нас в редакции другого историка, уже начала IX в., Ибн Хишама.

¹⁴ Имеется в виду хадисовед начала VIII в. Катада б. Диам. Ибн Хаджар временами ссылался на него в своих сочинениях, однако скептически относился к его авторитету как передатчика пророческих преданий.

го мусульманина, несоблюдение которой каралось смертью не человеком, но самим Всевышним.

Далее автор переходит к практическим наставлениям и обсуждает возможность и недопустимость покидать территорию, пораженную чумой, необходимость личной изоляции и прекращения общения с людьми. Пятая глава этой части посвящена исследованию поведения людей во время эпидемии.

Стоит отметить, что бегство людей в пустыню в попытке спастись от заражения во время эпидемии чумы 1416 г. Ибн Хаджар посчитал недостаточно благочестивым поступком: «Мы молились три дня поста, а они молились о дожде». Автор приводит в этой связи и следующие строки: «Со слов Джабира (да будет доволен им Аллах!) сообщается, что Пророк (мир ему и благословение Аллаха!) сказал: “Бегство от чумы подобно бегству с поля боя во время наступления войск, а проявление терпения при этом подобно терпению во время наступления войск”» [Там же, с. 280].

Итак, Ибн Хаджар в своей работе опирается на три религиозно-правовых принципа, оказывающих влияние на подход к феномену чумы в мусульманском средневековом обществе. Первый принцип: чума — божественное провидение и мученичество правоверного. Второй принцип: мусульманин не может ни покинуть местность, в которой распространилась чума, ни прийти в нее. Третий принцип: никто не может считаться источником (нулевым пациентом) чумы, так как чума — от Аллаха.

Подход к смерти от чумы как к наказанию свыше перекликается с библейским представлением о чуме, в то время как сравнение умерших от болезни с павшими на поле боя — инновация ислама. Пример тому: в различных перечнях, включающих пять вариантов мученичества в исламе, смерть от чумы и смерть в бою считаются равнозначными в глазах Аллаха [Sunan Abī Dāwūd, № 3111].

Книга Ибн Хаджара стоит особняком в ряду сочинений на схожую тематику. Она представляет собой подобие моста между условно «научным» и «религиозным» подходами к изучению чумы, и сегодня ее цитируют и к ней обращаются практически все мусульманские ученые, занимающиеся вопросами эпидемий.

Романтики, прагматики, летописцы

В целом средневековых арабских авторов, писавших об эпидемиях, можно разделить на три группы — «романтики», «прагматики» и «летописцы». Граница между этими группами, впрочем, довольно условна, но попробуем все-таки ее обозначить.

К группе «романтиков» мы бы отнесли, например, уже упомянутого Ибн Хаджара ал-'Аскалани. Для «романтиков» главным лекарством от всех болезней является молитва, и религиозно-догматический подход — главный мотив их сочинений. Ибн Хаджар, впрочем, писал и о практических вещах, связанных с противостоянием распространению эпидемий, так что отчасти мог бы быть отнесен и к следующей группе.

Партию первых скрипок в группе «прагматиков», на наш взгляд, играют Ибн ал-Варди, Абу Бакр Мухаммад ар-Рази, Ибн Сина и Ибн Халдун. Их объединяет то, что они довольно подробно описали природу «заразы» и «земные» способы излечения от нее.

Так, Ибн ал-Варди советовал использовать армянскую глину, окуривать дома янтарем, камфорой и сандалом, ставить печати перстнями с сапфиром против злого духа, употреблять в пищу больше бобовых, уксуса и тахины, а также уменьшить количество зелени и фруктов в рационе [Raheem, 2010, с. 10].

Ар-Рази, ученый-энциклопедист X в., родом из иранского города Рей, тщательно исследовал несколько видов инфекционных болезней. В своей «Всеобъемлющей книге по медицине», помимо проказы, ар-Рази впервые подробно описал оспу и корь, указав на различия между ними. Он аргументированно доказывал необходимость тщательного осмотра пациента, уделяя особое внимание сердцебиению и дыханию. Ученый, в частности, предположил, что повышение температуры воздуха способствует развитию эпидемий, и советовал закрывать рот, лицо и глаза, дабы уберечься от заразы [ар-Рази, 2000, с. 2259]. Вот что он писал: «Чума приходит в конце лета и в конце осени. И если летом было много дождей и туман стоял днем и ночью, и если ураганные ветры с юга, или воздух горячий и недвижный, но при этом он густой и с юга, — остерегайся мяса и теплых напитков. Не ешь сладкого и приятных фруктов».

тов. Не совершай омовения теплой водой. Потребляй много уксуса и кислых соков. Пей много *сканджабина*¹⁵. А если нет возможности воздержаться от мяса — ешь рябчиков и кур, и козлятину, и телятину» [Там же].

Ибн Сина, ученый-эциклопедист XI в., в своем известном «Каноне врачебной науки» описал чуму как «ядовитое вещество, вызывающее смертельную опухоль, [которое] возникает в мягких и паховых областях тела, в большей степени под мышкой». Он заключил: «Ее (чумы) причина — плохая кровь, которая имеет тенденцию к гниению и разложению. Она превращается в ядовитое вещество, которое портит организм и изменяет его, и влияет на сердце в плохой форме, вызывая рвоту, тошноту, обмороки и учащенное сердцебиение» [Ибн Сина, 1999, ч. 3, с. 164].

Ибн Сина также утверждал, что в местности, пораженной чумой, должен вводиться карантин на срок 40 дней, руки нужно мыть с уксусом и часто менять одежду. При этом основной причиной заболеваний, помимо метеоритов и скопления мертвых тел, несомненно, является плохой воздух, который переносится из зараженных мест в здоровые. А в зараженных местах болезнь вызывается несожженными трупами и плохой водой [Там же, ч. 2, с. 43–44, 1108–1109].

На этом фоне несколько выделяется взгляд мусульманского философа и историка XIV в., «отца социологии» (как его также называют) Ибн Халдуна. Он писал: «Цивилизации — как на Востоке, так и на Западе — посетила разрушительная чума, разорившая целые государства и погубившая много народа <...>. Она поглотила многие полезные вещи, созданные цивилизацией, и уничтожила ее саму. Чума смела с лица земли целые династии, находившиеся в апогее своего развития. Изменился весь обитаемый мир» [Ибн Халдун, 1988, т. 1, с. 64].

В отличие от медиков и богословов, Ибн Халдун попытался рассмотреть эпидемию как социально-историческое явление. Он пережил одну из наиболее разрушительных эпидемий чумы в 1349 г. в Тунисе и сделал интересный вывод. В своем сочине-

¹⁵ Медовый напиток с уксусом.

нии «Введение» («ал-Мукаддима») он утверждал, что эпидемия есть результат прироста населения. По мнению ученого, успешный и мудрый султан, при котором развивается экономика и имеется значительный прирост населения, создает ни много ни мало, а почву для возникновения эпидемий [Ибн Халдун, 1988, т. 1, с. 441].

К третьей группе, «летописцев», относятся многочисленные арабоязычные авторы, бесстрастно и в подробностях описывавшие течение эпидемий, излагавшие факты в своей интерпретации и даже пытавшиеся фиксировать конкретные цифры жертв эпидемий. Среди таковых, например, двое ученых, дед и внук Ибн ал-Джаузи. Так, первый Ибн ал-Джаузи, известный правовед, богослов и историк XII в. Абу ал-Фарадж б. ал-Джаузи, восстанавливая в своих сочинениях события 1057 г. в Бухаре, писал, что к моменту написания его книги погибло 1,6 млн человек. Затем, по его словам, он проехал Иран и Ирак и видел, как там хоронят людей в братских могилах [Ибн ал-Джаузи, 1995, с. 1054, 1108-1109]. Вторым, которого прозвали Сибт Ибн ал-Джаузи (*сибт* — араб. «внук»), историк второй половины XIII в., в труде под названием «Зеркало времен» передавал уже события несколько другого времени; он писал о чуме, которая бушевала в 1076 г. в Дамаске: «В городе было около пятисот тысяч жителей, и только три тысячи из них осталось. И из 240 пекарей осталось только двое. А в 1085 г. в Ираке началась чума, а затем она распространилась по всему миру, и люди умирали на ходу, и путь для них был закрыт» [Сибт Ибн ал-Джаузи, 2013, ч. 19, с. 325].

Заключение

Эпидемии не утихали на протяжении всей истории средневековых мусульманских государств и, с разной степенью интенсивности, сопровождали их как в периоды сложнейших социально-политических кризисов, так и в более спокойное время, хотя некоторые мусульманские ученые отмечали, что с усилением центрального аппарата сила мора утихала. Появившаяся в эпоху ранних мусульманских халифатов страта ученых-энциклопедистов не могла остаться в сторо-

не от этих событий. Средневековые авторы, писавшие по-арабски, оставили немало письменных свидетельств о событиях, очевидцами которых были они сами, их более старшие современники или предшественники. Кого-то больше интересовали данные по заболевшим и умершим от эпидемий и география распространения мора; кто-то предлагал свою оригинальную трактовку событий, усматривая в них как божественное провидение, так и вполне земные причины. С точки зрения подходов к анализу причин эпидемий мы разделили арабоязычных авторов Средневековья на три группы — «романтиков», «прагматиков» и «летописцев». Несмотря на некоторые различия между ними, все три группы авторов объединяет крайне серьезное отношение к эпидемиям, которое проявляется в том числе в их стремлении убедить своих современников в необходимости соблюдения карантина. Вероятно, и нам есть чему поучиться у них сегодня.

Библиография

- Al-Adawi A.* The Plague in the Umayyad Age — Unknown Pages from the History of the Umayyad Caliphate. Beirut: Arab Center for Research and Policy Studies, 2018.
- Conrad L.I.* Tā'ūn and Wabā' Conceptions of Plague and Pestilence in Early Islam // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1982. Vol. 25. No. 3. P. 268–307.
- Fancy N., Green M.* Plague and the Fall of Baghdad (1258) // Medical History. 2021. Vol. 65 (2). P. 157–177.
- Hafiz Ibn Katheer.* Al-bidaya wa-n-nihaya. Darussalam, 2015.
- Raheem R.A.* A Critical Look into Ibn Al-Wardi's "The News of the Plague" // Majallat Jami' An-Najah Lil-Abhas (Al-Ulum al-Insania). 2010. Mujallad 24 (5).
- Rogan E.* The Arabs: A History. 2nd ed. London: Penguin, 2012. (Рус. пер.: *Роган Ю.* Арабы: История. XVI–XXI вв. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.)
- Rosenthal F.* Ibn Ḥadjar al-Asḳalānī // Encyclopaedia of Islam. 2nd ed. / P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs (eds). 2012. <http://dx.doi.org/10.1163/1573-3912_islam_SIM_3178>.
- Sunan Abī Dāwūd («Сунны Абу Давуда»). [Электронный ресурс]. <<https://sunnah.com/abudawud/21>>. На арабском языке с параллельным переводом на английский.

- Абд ар-Рахим Р.* Рисалат ан-наба 'ан ал-ваба ли-Зайн ад-Дин ибн ал-Варди — дираса накдиййа. («Послание с новостями об эпидемиях Зейн ад-Дина ибн аль-Варди — критическое исследование»). Маджаллат джами' ал-абхас, 2010. На арабском языке.
- Ал-Бухари Мухаммад.* Сахих ал-Бухари. Эр-Рияд: Байт ал-афкар ад-даулиййа, 1998. На арабском языке.
- Ал-Джахиз.* Ал-Ханин ила ал-автан («Тоска по родным местам»). Бейрут: Дар ар-раид ал-'араби, 1982. На арабском языке.
- Ал-Фарахиди Халил.* Китаб ал-'айн («Книга буквы «'айн»). Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмиййа, 2003. Ч. 3. На арабском языке.
- Ал-Хамави Йакут.* Му'джам ал-удаба. Иршад ал-ариб ила ма'рифат ал-адиб («Проводник пытливого ума в мир сочинителей (справочник писателей)»). Бейрут: Дар ал-гарб ал-ислами, 1993. На арабском языке.
- Ар-Рази Абу Бакр Мухаммад.* Китаб ал-хави фи ат-тибб («Всеобъемлющая книга по медицине»). Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмиййа, 2000. На арабском языке.
- Ас-Са'алиби 'Абд ал-Малик.* Симар ал-кулуб фи ал-мудаф ва-л-мансуб («“Плоды сердец”: лексикографическая энциклопедия»). Бейрут: Ал-мактаба ал-'асриййа, 2003. На арабском языке.
- Ас-Са'алиби 'Абд ал-Малик.* Сират амир ал-му'минин 'Умар бин ал-Хаттаб, шахсийатух ва-'асрух («Жизнеописание предводителя правоверных Умара бин аль-Хаттаба. Личность и время»). Каир: Му'ассасат Акра, 2005. На арабском языке.
- Ас-Суйути Джалал ад-Дин.* Ал-Джами' ас-сагир («Малый сборник»). Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмиййа, 1990. На арабском языке.
- Ат-Табари Мухаммад.* Тарих ар-русул ва-л-мулук («История пророков и царей»). Эр-Рияд: Байт ал-афкар ад-даулиййа, 2009. На арабском языке.
- Буляктейб ал-Хусайн.* Джаваих ва-ауби'ат ал-магриб фи 'ахд ал-муваххидин («Бедствия и эпидемии в Магрибе во времена правления Альмохадов»). Ал-джам'иййа ал-магрибиййа ли ал-бахс ат-тарихи, 2002. На арабском языке.
- Ибн 'Абд ал-Бар Абу 'Умар.* Ал-Исти'аб фи ма'рифат ал-асхаб («Биографии сподвижников пророка Мухаммада»). Бейрут: Дар ал-джил, 1992. На арабском языке.
- Ибн ал-Варди Зайн ад-Дин.* Диван Ибн ал-Варди («Диван ибн ал-Варди»). Каир: Дар ал-афак ал-'арабиййа, 2006. На арабском языке.

- Ибн ал-Джаузи Абу ал-Фарадж. Ал-Мунтазам фи тарих ал-мулук вал-умам* («Энциклопедия царей и народов»). Бейрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмийа, 1995. На арабском языке.
- Ибн Сина Абу ‘Али Хусайн. Ал-Канун фи ат-тибб* («Медицинский канон»). Бейрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмийа, 1999. На арабском языке.
- Ибн Тагри Бирди Абу ал-Махасин Джамал ад-Дин Йусуф. Ан-Нуджум аз-захира фи ал-мулук Миср вал-Кахира* («Блестящие звезды владык Египта и Каира»). Бейрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмийа, 1992. На арабском языке.
- Ибн Хаджар ал-‘Аскалани Шихаб ад-Дин. Фатх ал-бари би-шарх Сахих ал-Бухари* («Дар Всевышнего — комментарий к Сахиху ал-Бухари»). Бейрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмийа, 2000. На арабском языке.
- Ибн Хаджар ал-‘Аскалани Шихаб ад-Дин. Базл ал-ма‘ун фи фадл ат-та‘ун* («Добродетельная жизнь во время чумы»). Эр-Рияд: Дар ал-‘асима, 2005. На арабском языке.
- Ибн Халдун. Ал-Мукаддима* («Введение»). Бейрут: Дар ал-‘ауда, 1988. На арабском языке.
- Сибт Ибн ал-Джаузи Шамс ад-Дин. Мир’ат аз-заман фи таварих ал-а‘йан* («Жизнеописание известных людей в зеркале времен»). Бейрут: Дар ар-рисала ал-‘аламийа, 2013. На арабском языке.
- Фадиль Н.Б. Ат-Таваин фи садр ал-ислам вал-хилафа ал-умавиййа* («Эпидемии в сердце ислама и Омейядского халифата»). Киркук: Маджаллат джами‘ Киркук ли-д-дирасат ал-исламиййа, 2011. На арабском языке.